

Московские сокровища

«ЕГО ДУША ДЛЯ ВСЕХ И НАВСЕГДА»

Есть в Москве тихая улица, в прошлом известная как окраина. — Хамовники. Здесь стоит деревянный двухэтажный дом, надежно укрытый за забором поразительно красивой узорчатой резьбы. Свидетель наполеоновского нашествия, он чудом уцелел во время пожара 1812 года. Окруженный огромным тенистым садом, в цветущие заросли которого слетались весной певчие птицы, дом напомнил Льву Николаевичу Толстому родную яснополянскую усадьбу и был куплен им 14 июля 1882 года у домовладельца Арнаутова. Переезд в Москву был вызван необходимостью: старшая дочь хотела учиться живописи, других детей надо было определять в гимназию и университет. Вначале Толстого угнетает уличный шум, сутолока, контрасты города, о которых горько заметит: «Вонь, камни, роскошь, нищета». Но человек очень подвижный и деятельный, Лев Николаевич энергично занялся перестройкой усадьбы, пригласил архитектора. В письмах к жене в Ясную Поляну сообщает: «Вообще, дом выходит очень хорош. А уж покой — чудо! Мне выходить не хочется из флигеля — так тихо, хорошо, деревья шумят».

И сейчас шумят, качают ветвями те, уже вековые, деревья. Прекрасный сад бережно охраняется... 6 апреля 1920 года был издан подписанный Лениным «Декрет о национализации «Дома Льва Толстого» в Москве». Владимир Ильич, мечтавший, чтобы произведения гения мировой литературы стали «достоянием всех», лично посетил Хамовники и, внимательно все осмотрев, дал точные указания по организации музея. 20 ноября 1921 года — день открытия мемориального музея.

Как удивительно много могут рассказать обычные, порой внешне неприметные вещи! А их здесь собрано свыше четырех тысяч! Вот в спальне за бюро красного дерева Софья Андреевна правит корректуру или проверяет счета. А за другим столиком, подаренным воспитательницей Толстого Ергольской, монограммы для вышивания: рукоделие хозяйки дома украшает многие комнаты. В классной занимаются с гувернером дети.

Сам Толстой по обыкновению встает очень рано, колет и пилит дрова, топит печи, а потом работает у себя в кабинете на втором этаже. Наиболее напряженно он работал по утрам. В эти часы никто не входил к нему. Поэтому так драгоценна, как реликвия, каждая мелочь на скромном рабочем столе. Вот две ручки вишневого дерева на чугунной подставке — свидетели и участники совершавшегося здесь чуда творчества. А за обедом вся семья собирается вместе на первом этаже в столовой за длинным столом, на котором стоит фаянсовый белый сервиз с синим рисунком. И только у прибора Льва Николаевича — стакан для воды. Рядом

с отцом — места двух его дочерей, напротив — сыновья. Сохранились семейные фотографии. С не очень четких любительских снимков, сделанных Софьей Андреевной, смотрит старик, имя которого — легенда, а облик поражает своей простотой: холщовая блуза, подпоясанный ремнем, седая окладистая борода и что-то исконно крестьянское в глубоких морщинах лица. Вот только взгляд внимательно изучающ. И в нем — напряжение воли и мысли.

Волнующее ощущение достоверности усиливается мерным ходом старинных часов с кукушкой. Часы висят слева на стене. Они отсчитывают уже столетие, напоминая о времени, когда дом в Хамовниках мощным магнитом притягивал выдающихся деятелей русской культуры. Вечерами собираются здесь друзья, знакомые. И на верхней площадке парадной лестницы, где иногда старшая дочь Татьяна Львовна и ее друзья по Училищу живописи, ваяния и зодчества копируют мраморный бюст Антиноя, нового знаменитого гостя встречает молодежь. Они ведут его в комнату художницы, где рядом с ее работами висят произведения выдающихся мастеров. Гости расписывались цветными мелками на суконной скатерти стола, а потом Татьяна Львовна расшивала эти автографы шелком и шерстью. Всего оставлено 70 подписей известных художников, композиторов и среди них — факсимиле Касаткина, Мясоедова, Антонского, Танеева и, конечно, Ильи Репина, который часто бывал в доме и создал прекрасные портреты писателя, его жены и детей.

А сколько имен донесли сохранившиеся визитные карточки! Критика Стасова, композиторов Скрябина, Ипполитова-Иванова... Говорят, что в будущем ученые научатся по почерку воспроизводить звучание голосов ушедших. Если бы это случилось, то голоса скольких талантливейших людей мы бы услышали, и среди них голоса Фета, Чехова, Телешова, Лескова, Бунина, молодого Горького, Шалапина. Гости обычно собирались в большой высокой зале на втором этаже. Со многими из них Толстой часто играл в шахматы, что стояло здесь. Устраивались маскарады, литературные вечера. И, конечно, звучала музыка. По словам старшего сына, Сергея Львовича, он «не встречал в своей жизни никого, кто бы так сильно чувствовал музыку, как... отец». Звучал рояль под руками Аренского, Рубинштейна, Игумнова. И здесь же, в зале, ближайший друг Толстого, художник Николай Ге, лепит его бюст...

А на рассвете, в 5 утра, Толстой будит гудок соседней с усадьбой текстильной фабрики. Один свисток, другой, третий... Он побывает на фабрике и увидит изнурительный, непосильный труд женщин, стариков, детей. Его глубоко потрясет зрелище трущоб и ночлежек Хит-

рова рынка, зрелище «голода, холода и унижения тысяч людей», а участие в московской переписи населения 1882 года приведет к выводу, что для борьбы с бедностью нужны более радикальные меры, чем благотворительность.

Он постоянно посещает фабрики и заводы, пристально знакомится с условиями труда рабочих, которые в 80-х и 90-х годах были особенно тяжелы, ездит и на товарную станцию Казанской железной дороги, где грузчики работали по 36 часов без перерыва!

Эта боль, эта выстраданность отзовется в рабочем кабинете за письменным столом, обитым зеленым сукном. Здесь будут написаны гневные, страстные статьи: «Так что же нам делать?», «Рабство нашего времени», «Страшный вопрос», полные глубочайшего сострадания к жизни трудового народа... Именно они вызовут ненависть к писателю официальных верхов. Здесь он работает над пьесами «Власть тьмы», «Живой труп», «Плоды просвещения», повестью «Хаджи-Мурат», романом «Воскресение», где та же, та же выстраданная нищетой в эти годы идея, что вся жизнь с ее социальным неравенством, безумной роскошью на одном полюсе и поделенной нищетой на другом представляет собой единый контраст, поражающий до боли, до ужаса.

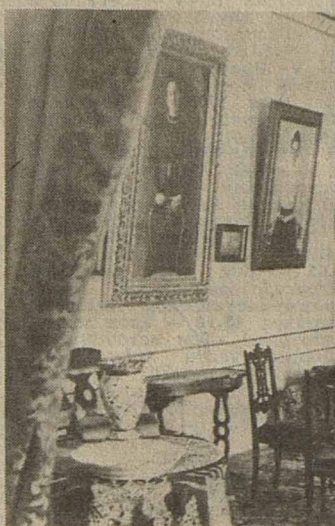
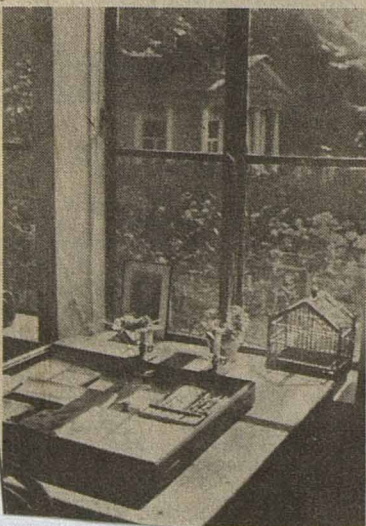
И здесь же, в черновом варианте замечательной повести «Смерть Ивана Ильича», будет написано характерным для писателя размашистым и густым почерком: «Нельзя, и нельзя так жить, как я жил, как я еще живу и как мы все живем»... В Хамовниках Толстой получает известие об отлучении его от церкви. В эти дни в честь Толстого в Москве состоялась демонстрация. А в его дом толпами приходили самые разные люди, выражая солидарность с любимым писателем. Последнее, что он завершил здесь, в кабинете дома, 8 апреля 1901 года, — это «Ответ синоду» на отлучение его от церкви, где еще раз подтвердил свои взгляды на позорную роль церкви и духовенства... Закончился московский период жизни.

Улица, на которой стоит дом Льва Толстого, носит теперь его имя. А небольшой музей одного из самых читаемых писателей земли — центр притяжения сотен и сотен тысяч людей со всех стран мира. Ежегодно здесь бывает более 50 тысяч человек... И так же мерно отсчитывают время часы в доме, напоминая, что продолжается жизнь уникального человеческого духа.

И как замечательно верно сказал Горький: «Весь мир, вся земля смотрит на него... Его душа для всех и навсегда».

Д. ЕНИКЕЕВА.

НА СНИМКАХ: фрагменты интерьеров дома в Хамовниках. Фото А. Федорова.

Московские сокровища

«ЕГО ДУША ДЛЯ ВСЕХ И НАВСЕГДА»

Есть в Москве тихая улица, в прошлом известная как окраина, — Хамовники. Здесь стоит деревянный двухэтажный дом, надежно укрывшийся за забором поразительно красивой узорчатой резьбы. Свидетель наполеоновского нашествия, он чудом уцелел во время пожара 1812 года. Окруженный огромным тенистым садом, в цветущие заросли которого слетались весной певчие птицы, дом напомнил Льву Николаевичу Толстому родную яснополянскую усадьбу и был куплен им 14 июля 1882 году у домовладельца Арнаутова. Переезд в Москву был вызван необходимостью: старшая дочь хотела учиться живописи, других детей надо было определять в гимназию и университет. Вначале Толстого угнетает уличный шум, сутолока, контрасты города, о которых горько заметит: «Вонь, камни, роскошь, нищета». Но человек очень подвижный и деятельный, Лев Николаевич энергично занялся перестройкой усадьбы, пригласил архитектора. В письмах к жене в Ясную Поляну сообщает: «Вообще, дом выходит очень хорош. А уж покой — чудо! Мне выходить не хочется из флигеля — так тихо, хорошо, деревья шумят».

И сейчас шумят, качают ветвями те, уже вековые, деревья. Прекрасный сад бережно охраняется... 6 апреля 1920 года был издан подписанный Лениным «Декрет о национализации «Дома Льва Толстого» в Москве». Владимир Ильич, мечтавший, чтобы произведения гения мировой литературы стали «достоянием всех», лично посетил Хамовники и, внимательно все осмотрев, дал точные указания по организации музея. 20 ноября 1921 года — день открытия мемориального музея.

Как удивительно много могут рассказать обычные, порой внешне неприметные вещи! А их здесь собрано свыше четырех тысяч! Вот в спальне за бюро красного дерева Софья Андреевна правит корректуру или проверяет счета. А за другим столиком, подаренным воспитательницей Толстого Ергольской, монограммы для вышивания: рукоделие хозяйки дома украшает многие комнаты. В классной занимаются с гувернером дети.

Сам Толстой по обыкновению встает очень рано, колет и пилит дрова, топит печи, а потом работает у себя в кабинете на втором этаже. Наиболее напряженно он работал по утрам. В эти часы никто не входил к нему. Поэтому так драгоценна, как реликвия, каждая мелочь на скромном рабочем столе. Вот две ручки вишневого дерева на чугунной подставке — свидетель и участники совершавшегося здесь чуда творчества. А за обедом вся семья собирается вместе на первом этаже в столовой за длинным столом, на котором стоит фаянсовый белый сервиз с синим рисунком. И только у прибора Льва Николаевича — стакан для воды. Рядом

с отцом — места двух его дочерей, напротив — сыновья. Сохранились семейные фотографии. С не очень четких любительских снимков, сделанных Софьей Андреевной, смотрит старик, имя которого — легенда, а облик поражает своей простотой: холщовая блуза, подпоясанная ремнем, седая окладистая борода и что-то исконно крестьянское в глубоких морщинах лица. Вот только взгляд внимательно изучающ. И в нем — напряжение воли и мысли.

Волнующее ощущение достоверности усиливается мерным ходом старинных часов с кукушкой. Часы висят слева на стене. Они отсчитывают уже столетие, напоминая о времени, когда дом в Хамовниках мощным магнитом притягивал выдающихся деятелей русской культуры. Вечерами собираются здесь друзья, знакомые. И на верхней площадке парадной лестницы, где иногда старшая дочь Татьяна Львовна и ее друзья по Училищу живописи, ваяния и зодчества копируют мраморный бюст Антиноя, нового знаменитого гостя встречает молодежь. Они ведут его в комнату художницы, где рядом с ее работами висят произведения выдающихся мастеров. Гости расписывались цветными мелками на суконной скатерти стола, а потом Татьяна Львовна расшивала эти автографы шелком и шерстью. Всего оставлено 70 подписей известных художников, композиторов и среди них — факсимиле Касаткина, Мясоглова, Антокольского, Танеева и, конечно, Ильи Репина, который часто бывал в доме и создал прекрасные портреты писателя, его жены и детей.

А сколько имен донесли сохранившиеся визитные карточки! Критика Стасова, композиторов Скрябина, Ипполитова-Иванова... Говорят, что в будущем ученые научатся по почерку воспроизводить звучание голосов ушедших. Если бы это случилось, то голоса скольких талантливейших людей мы бы услышали, и среди них голоса Фета, Чехова, Телешова, Лескова, Бунина, молодого Горького, Шалапина. Гости обычно собирались в большой высокой зале на втором этаже. Со многими из них Толстой часто играл в шахматы, что стояло здесь. Устраивались маскарады, литературные вечера. И, конечно, звучала музыка. По словам старшего сына, Сергея Львовича, он «не встречал в своей жизни никого, кто бы так сильно чувствовал музыку, как... отец». Звучал рояль под руками Аренского, Рубинштейна, Игумнова. И здесь же, в зале, ближайший друг Толстого, художник Николай Ге, лепит его бюст...

А на рассвете, в 5 утра, Толстой будит гуток соседней с усадьбой текстильной фабрики. Один свисток, другой, третий... Он побывает на фабрике и увидит изнурительный, непосильный труд женщин, стариков, детей. Его глубоко потрясет зрелище трущоб и ночлежек Хит-

рова рынка, зрелище «голода, холода и унижения тысячи людей», а участие в московской переписи населения 1882 года приведет к выводу, что для борьбы с бедностью нужны более радикальные меры, чем благотворительность.

Он постоянно посещает фабрики и заводы, пристально знакомится с условиями труда рабочих, которые в 80-х и 90-х годах были особенно тяжелы, ездит и на товарную станцию Казанской железной дороги, где грузчики работали по 36 часов без перерыва!

Эта боль, эта выстраданность отзовется в рабочем кабинете за письменным столом, обитым зеленым сукном. Здесь будут написаны гневные, страстные статьи «Так что же нам делать?», «Габство нашего времени», «Страшный вопрос», полные глубочайшего сострадания к жизни трудового народа... Именно они вызовут ненависть к писателю официальных верхов. Здесь он работает над пьесами «Власть тьмы», «Живой труп», «Плоды просвещения», повестью «Хаджи-Мурат», романом «Воскресение», где та же, та же выстраданная писателем в эти годы идея, что вся жизнь с ее социальным неравенством, безумной роскошью на одном полюсе и поедельной нищетой на другом представляет собой единый контраст, поражающий до боли, до ужаса.

И здесь же, в черновом варианте замечательной повести «Смерть Ивана Ильича», будет написано характерное для писателя размашистым и густым почерком: «Нельзя, и нельзя, и нельзя так жить, как я жил, как я еще живу и как мы все живем»... В Хамовниках Толстой получает известие об отлучении его от церкви. В эти дни в честь Толстого в Москве состоялись демонстрации. А в его дом толпами приходили самые разные люди, выражая солидарность с любимым писателем. Последнее, что он завершил здесь, в кабинете дома, 8 апреля 1901 года, — это «Ответ синоду» на отлучение его от церкви, где еще раз подтвердил свои взгляды на позорную роль церкви и духовенства... Закончился московский период жизни.

Улица, на которой стоит дом Льва Толстого, носит теперь его имя. А небольшой музей одного из самых читаемых писателей земли — центр притяжения сотен и сотен тысяч людей со всех стран мира. Ежегодно здесь бывает более 50 тысяч человек... И так же мерно отстукивают время часы в доме, напоминая, что продолжается жизнь уникального человеческого духа.

И как замечательно верно сказал Горький: «Весь мир, вся земля смотрит на него... Его душа для всех и навсегда».

Д. ЕНИКЕЕВА.

НА СНИМКАХ: фрагменты интерьеров дома в Хамовниках. Фото А. Федорова.

